

Полунин
Вяч. Иванович.

11/VI-86

ПОПУЛЯРНОЕ ИМЯ

Театр «Лицедей»

Советский Русский, 1986. 11 июня

ИМПРОВИЗАЦИИ

За последние годы ленинградский театр «Лицедей» обрел популярность. Причем не только у приверженцев пантомимы, но и среди широкой публики. «Как вы сами, Вячеслав Иванович, оцениваете ваш успех, чем его объясняете? Как возникли «Лицедей», что их заботит?» — спросили мы руководителя театра.

— У нас нет регламентированного репетиционного времени, — говорит Полунин, — мы всегда в театре. Репетиция может начаться в любой момент, если у кого-то возникает интересная идея. Тогда мы сразу пробуем, увлекаемся, придумываем новые повороты... Идея иссякла — репетиция прекратилась. И мы снова красим, строгаем, пилим, шьем... Кстати, мы давно убедились, что костюмы, которые придумываем сами и сами же мастерим, всегда оказываются лучше тех, что шиты по заказу людьми, не очень-то вникающими в наши заботы. Короче, мы твердо верим в принцип: в театре все должно простекать из творческой потребности.

Примерно раз в месяц мы играем только для себя. Каждый может показать все, что ему кажется интересным, причем в какой угодно форме. Это может быть готовый номер или просто набросок. Чья-то удачная находка тут же подхватывается другими, развивается. И представьте, при полном дружелюбии и желании помочь товарищу конкуренция — жуткая! На сцену рвутся. Само собой получается, что все актеры знают все номера и роли, поэтому полная взаимозаменяемость. Между прочим, в этом я вижу дополнительный стимул — всем и всегда быть в форме.

— Не потому ли спектакли «Лицедеев» иной раз упрекают в «необязательности» режиссуры?

— В нашем театре в принципе не может быть жесткой режиссуры. Целые спектакли и отдельные миниатюры живут и меняются вместе с нами. Более того, мы играем спектакль до тех пор, пока он может развиваться. Если сегодня номер идет так же, как вчера, значит, мы просто воспроизвели то, что уже умели. Конечно, не всегда удается уловить дыхание зала. Но здесь, по-моему, решающей оказывается не режиссура, а то, насколько точно актер владеет своим образом, насколько достоверно, не разрушив своей природы, сумеет войти в новую ситуацию.

— «Чувство партнера», наверное, не может возникнуть само собой — для этого требуется еще и время, не так ли?

— Да, начинали мы свой путь в конце 60-х, надо сказать, достаточно традиционно. Как и многие другие коллективы, стремились подражать Марселю Марсо, который в то время побывал у нас в стране на гастролях. Мы готовы были «шагать на месте» и «перетягивать канат» день и ночь. А уж когда стали появляться целые номера, выступали везде, куда нас приглашали, не очень-то задумываясь: что, как и

зачем играем? Это был период слепой и всепоглощающей любви к искусству.

Но вскоре нас ждал крутой поворот судьбы — встреча с Модрисом Теннисоном, возглавившим один из первых в нашей стране коллективов пантомимы, который стал потом работать при Каунасском музыкально-драматическом театре. Мы были самостоятельными артистами, они — профессионалами. У нас — номера, у них — спектакли. Наше знакомство началось с отчаянных слоров об искусстве пантомимы. Каждый понимал его по-своему. Но именно тогда западал нам в душу убежденность Теннисона: театром нельзя заниматься только для собственного развлечения, человек вообще не вправе выйти на сцену, пока не осознает, зачем он туда выходит. Короче, он заразил нас идеей, что сцена — это кафедра.

— И как же осознание этой идеи сказалось на практике?

— Репертуар наш еще какое-то время оставался прежним. Но даже в старых номерах что-то изменилось. Да и мы сами бурно менялись: стали много читать, пересмотрели весь классический кинематограф. Лавина впечатлений! Мы уже не стремились подражать, а отбирали только то, что было нам близко. Больше всего привлекало нас народное искусство. Помню, как постоянно, наверное, даже во сне, каждого преследовали вопросы: что такое народный герой, почему миллионы людей любят Петрушку, Иванушку-дурачка, Пьеро? Почему эти герои нужны людям и что в них особенно привлекает?..

Так началась наша работа, поиск собственных образов. Образ стал центральной идеей нашего театра. Образ, который концентрирует в себе целый мир и созвучен сегодняшнему дню.

— А какова общая ваша позиция, так сказать, кредо театра «Лицедей»?

— «Радостная душа!» В эти слова вмещается сущность нашего отношения к миру, ими определяется индивидуальность коллектива. Есть общие черты, объединяющие наших героев. Мы старались создать их такими, чтобы они обязательно могли вызвать эмоциональный отклик.

Конечно, работа по созданию образов шла при активнейшем участии зрителей, которые своей реакцией — не

только смехом, но и тишиной — всегда очень точно давали понять, насколько близки им та или другая черта характера героев. В зависимости от зрительской реакции мы что-то закрепляли и старались развивать, а что-то отбрасывали.

— Наверное, столь же постепенно, путем проб и ошибок, складывалась и драматургия вашего театра?

— Не просто складывалась, она и сейчас находится в принципиальной зависимости от зрителя, точнее сказать, во взаимосвязи «актер — зритель». Ведь основа нашего сценического существования — импровизация. Театр, который мы пропагандируем, — театр свободной структуры. Образ не должен иметь ограничений, иначе он омертвеет, утратит необходимую неожиданность. Драматургия не должна мешать актеру импровизировать. На этом свободном балансе между образом и драматургией мы и держимся. Мы стараемся воздействовать на зрителя с помощью мысли, но не сюжетной, а той, что выводит образ.

— Значит, всякий раз, выходя на публику, вы сознательно идете на риск. Сами себя ставите в такие условия, когда успех не гарантируется закрепленными формами, а рождается «здесь, сейчас»...

— Начав с увлечения классической пантомимой, где многое решает строгость формы и виртуозная техника движения, мы, ни в коем случае не отрицая огромных ее возможностей, пришли к идее театра зрительного образа, в котором человек может выразить себя предельно раскованно и эмоционально. Нашим актерам не нужен язык слов не потому, что они разговаривают на особом пластическом языке пантомимы, а потому что они выражают себя настолько откровенно, искренне, что не доходят до слов.

— Но это очень близко к клоунаде...

— Потому в названии нашего театра и стоят теперь два эти слова: «клоун-мим».

— А как вы представляете перспективу развития вашего театра?

— Клоунада, эксцентрика — не единственное направление нашей работы. У нас много спектаклей, сделанных в разных жанрах: «Мимпровизы», «Малая олимпиада», «Картинки с выставкой» на музыку М. Мусоргского, «Мальчиш-Кибальчиш», «Петрушка» и другие. Как только мы чувствуем, что наши гибкие формы начинают застывать, а прием коснет (например, в средствах выразительности), то есть нарушается основной принцип нашей жизни — все только по любви, — мы немедленно оставляем в покое основную нашу калитку и начинаем «прыгать через забор» в поисках новых форм и нового содержания. Мы хотим, например, попробовать себя в жанре «площадного театра», где уж действительно все происходит по доброй воле, по любви, и зритель смотрит на артиста, пока артист ему интересен.

Беседу вела Е. МАРКОВА.

Фото А. Медведникова.